

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-5

Оригинальная статья

Смирнов В. А.

**Дисфункции проектирования молодёжной политики
в российских университетах
(на примере участников программы «Приоритет 2030»)**

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Ленинские горы, дом 1 стр. 33, Москва, 119991, Россия
kano_igt@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются модели молодёжной политики, представленные в программах развития университетов, участвующих в федеральном проекте «Приоритет 2030». Университет рассматривается автором как важнейший институт социализации российской молодежи, особенно в ситуации геополитической нестабильности. Данный этап жизни молодого человека определяется как время социального экспериментирования, самопознания, обретения важных личностных качеств и ценностей, которые способствуют расширению солидарности в российском обществе. В этой связи системная молодёжная политика университета становится ключевым фактором социальной интеграции молодого поколения. *Научная проблемы исследования* заключается в отсутствии эмпирически обоснованной информации об эффективности университетской молодёжной политики в условиях геополитической нестабильности. На основе структурного и дискурсивного анализа текстов программ развития российских университетов – участников программы «Приоритет 2030» в статье делаются выводы о существовании целого ряда дисфункциональных паттернов, существенным образом снижающих эффективность университетской молодёжной политики. Наиболее значимыми из них являются недостаточный уровень целеполагания, отсутствие измеряемых критериев эффективности, описательный характер, слабая соотнесенность с национальными задачами и приоритетами. Делается вывод о необходимости изменения университетской молодёжной политики, адаптации ее к особенностям геополитической ситуации, в которой оказалась Россия, что так же будет способствовать гармонизации жизненного мира российской молодежи.

Ключевые слова: молодёжь; молодёжная политика; университет; дисфункции **Благодарности.** Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Социализация, идентичность и жизненные стратегии молодежи в условиях «новых войн»» (№ FZEW-2023-0003).

Информация для цитирования: Смирнов В. А. Дисфункции проектирования молодёжной политики в российских университетах (на примере участников программы «Приоритет 2030») // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 3. С. 229-242. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-5

Vladimir A. Smirnov

**Dysfunctions of youth policy design
in Russian universities (using the example of the participants
of the Priority 2030 Program)**

Lomonosov Moscow State University,
bld. 33, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
kano_igt@mail.ru

Abstract. The article analyzes the models of youth policy presented in the development programs of universities participating in the Priority 2030 Federal Project. The author considers the University as the most important institution for the socialization of Russian youth, especially in a situation of geopolitical instability. This stage of a young person's life is defined as a time of social experimentation, self-discovery, and the acquisition of important personal qualities and values that contribute to the expansion of solidarity in Russian society. In this regard, the systemic youth policy of the university is becoming a key factor in the social integration of the younger generation. Based on the structural analysis of the program texts, the article draws conclusions about the existence of a number of dysfunctional patterns that significantly reduce the effectiveness of university youth policy. The most significant of them are the insufficient level of goal setting, the lack of measurable performance criteria, descriptive nature, weak correlation with national objectives and priorities. The article concludes that it is necessary to change the university's youth policy and adapt it to the peculiarities of the geopolitical situation in which Russia finds itself.

Keywords: youth; youth policy; university; dysfunctions

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the State Task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation “Socialization, identity and life strategies of youth in the conditions of “new wars”” (№ FZEW-2023-0003).

Information for citation: Smirnov, V. A. (2024), “Dysfunctions of youth policy design in Russian universities (using the example of the participants of the Priority 2030 Program)”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (3), 229-242, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-5.

Введение (Introduction). В условиях геополитической нестабильности, в которой оказалась сегодня Россия, особую роль начинают играть институты социализации молодого поколения. Наиболее значимой в этом контексте становится система высшего образования. Это обусловлено двумя обстоятельствами.

Во-первых, основной социальной группой, на которую направлено деструктивное информационное воздействие, является именно молодежь, ее ценности, модели поведения, жизненные траектории. Сегодня молодое поколение

переживает серьезный эмоциональный и ценностный кризис, обусловленный началом и продолжением специальной военной операции (Смирнов, 2023). Не менее важен и тот факт, что основным объектом информационного воздействия является доверие молодежи основным социально-политическим институтам и акторам (Ершов, Груздев, 2023). Его снижение приводит к разрушению солидарности внутри общества, неэффективной социальной интеграции молодого поколения, депривации

отдельных сегментов жизненного мира молодого человека.

Во-вторых, период обучения в университете характеризуется с одной стороны, ростом самостоятельности, с другой, сохраняющимся внешним сопровождением со стороны преподавателей, наставников, сотрудников, администрации университета. Это создает уникальное социализационное пространство, внутри которого молодой человек может экспериментировать, исследовать различные форматы конструктивной жизнедеятельности, получая качественную обратную связь от представителей университетского старшего поколения. Именно здесь происходит кристаллизация ценностных моделей, эффективных практик жизнедеятельности, гражданских установок.

Важность студенчества как особого этапа в жизни молодого человека еще более возрастает в ситуации эскалации риска и геополитической напряженности. Российское государство сегодня нуждается в новом поколении исследователей, социальных лидеров, управленцев, способных предложить эффективные решения социально-экономических, социально-политических, технологических проблем, стоящих перед страной. Роль университета как пространства социализации молодого поколения возрастает, при этом усиливается и запрос на системную университетскую молодёжную политику, способную создать среду для профессионального и личностного становления молодого человека.

В одном из предыдущих исследованиях (Смирнов, 2023), мы указывали на тот факт, что сегодня система университетской молодёжной политики носит амбивалентный, и зачастую дисфункциональный характер. Анализ интервью с ректорами и проректорами российских вузов позволил сделать вывод о том, что модели молодёжной политики,

циркулирующие в университетском дискурсе, не всегда отражают те вызовы и глобальные угрозы, с которыми сегодня сталкивается наша страна. При этом, наиболее значимыми являются: декларативная субъектность студенчества, низкий уровень социального доверия молодому поколению, чрезмерная опека, приводящая к воспроизводству социального инфантилизма.

Все вышеперечисленное нивелирует потенциал университетского периода в жизни молодого человека. Стремление вузовского руководства к избыточному нормированию студенческой жизни, развитие имитационных форматов деятельности существенным образом снижают социализационный потенциал университетской молодёжной политики. Вместо того, чтобы стать социальным «полигоном» для апробации «взрослых» форм социального и гражданского участия, решения реальных проблем, стоящих перед городом, регионом, страной, университет чаще всего выполняет функцию «социального сейфа», всячески стремясь продлить и без того достаточно длинный транзит российской молодёжи из детства во взрослость.

Методология и методы (Methodology and Methods). Актуализация ключевых диспропорций университетский молодёжной политики является важным, но не достаточным шагом на пути преодоления такой дисфункциональности. Не менее важным представляется выявление причин, ввиду которых эта деятельность приобрела сегодня именно такие очертания. Одной из них является, по-нашему мнению, воспроизводство неэффективных паттернов проектирования молодёжной политики как системной деятельности, результатом которой должны стать сущностные изменения личности молодого человека. Представляется, что процесс ее концептуализации и проектирования чаще всего носит синтагматический характер (Якобсон, 1996), представляющий

перечисление отдельных действий, событий, мероприятий, акций и т.д. Другими словами, молодёжная политика описывается ее разработчиками в логике того, чем еще можно заняться с молодыми людьми, в какие активности их вовлечь, какие мероприятия организовать, какие условия и пространства для них создать. При таком подходе молодёжная политика – это незаконченный нарратив, к которому можно бесконечно добавлять новые направления деятельности, проекты, события и мероприятия. Основная проблема такого подхода в том, что он не только создает иллюзию инновационности реализуемой деятельности, но и ведет к ложной уверенности, что каждый новый элемент, входящий в перечень, приводит к каким-то существенным и позитивным изменениям.

Противоположностью синтагматической логики проектирования является логика парадигматическая. В ее основе лежит идея связывания отдельных элементов молодёжной политики в единую систему, структурированную конкретными целями, общей методологией, верифицируемыми и измеряемыми результатами. В таком контексте каждое событие, мероприятие, университетская активность имеют некий смысл, который обусловлен общим замыслом реализуемой в вузе молодёжной политики.

В случае синтагматического описания эффективность можно оценить только по степени включенности студента в различного рода университетские активности, в случае же парадигматического подхода успешность университетского этапа в жизни молодого человека определяется уровнем его социализированности, социальной интеграции и солидарности, степенью проявленности гражданских диспозиций, социальной зрелости.

В рамках данной статьи мы проанализируем то, насколько сегодня университетская молодёжная политика конструируется как системная

целенаправленная деятельность, а также выделим ключевые факторы, обуславливающие доминирующие подходы к ее проектированию и реализации.

Молодёжная политика на протяжении последних десятилетий находится в фокусе внимания как западных, так и российских исследователей. При этом авторы чаще всего анализируют ее применительно ко всей молодежи, не выделяя университетский этап как отдельный предмет исследования. В последние годы можно выделить лишь несколько статей, в которых авторы обращаются к анализу данного феномена. Основной фокус внимания данных публикаций – это нормативные модели молодёжной политики и воспитательной деятельности в вузе (Абуталипова, Суляев, 2015), развитие воспитательной работы в контексте профессионального становления студента (Атанов, Гунько, Юрченко, 2015), использование компетентного подхода во внеучебной работе университета (Башкиров, Волкова, 2016).

В то же время существует ряд работ, в которых делаются попытки осмысления студенчества как особой социальной группы, которая является предметом управляемого социализирующего воздействия со стороны администрации вузов, преподавателей и сотрудников. Важным направлением такого воздействия является повышение мотивация студентов к обучению, развитие у них необходимых профессиональных компетенций. Значительное число публикаций в этой тематике посвящено проблеме неуспешности студентов. В данном направлении встречаются как исследования действий университетов, направленные на повышение образовательной успешности студентов (Валева, Докука, Юдкевич, 2017), так и влияние внеучебной деятельности на этот процесс (Зборовский, Амбарова, 2020), что по сути может рассматриваться как одно из

направлений университетской молодёжной политики.

Другой аспект изучения – это оценка роли студенчества в контексте университетского этапа социализации. Ключевой вопрос здесь в том, какова позиция молодого человека в современных университетах. В контексте нашего исследования вызывают интерес две доминирующие метафоры. Первая – «студент как клиент» (Furedi, 2011), в рамках которой, молодой человек выступает как участник производства знания и способен публично отстаивать свое право на участие в управлении вузом. Вторая – «студент как пешка (pawn)», не имеющий никаких прав в организации жизнедеятельности в вузе (Tight, 2013), находящийся в пространстве «структур, направляющих усилия на контроль, сдерживание, ориентацию и наказание» (Иконникова, 1998: 34). Понимание того, каким образом концептуализируется роль студента в современном университете является важным индикатором университетской молодёжной политики. Отметим, что ни та ни другая модель не является адекватной с точки зрения социальной интеграции российской молодежи. Первая, ведет к воспроизводству индивидуализма и гедонизма, вторая способствует развитию социальной инфантильности.

Ряд исследований студенчества посвящен различным аспектам его жизнедеятельности в контексте университета. Это, вовлеченность в университетские процессы (Малошонок, 2014), профессионализация молодых людей, готовность к эффективному поведению на рынке труда (Поплавская, 2023), особенности накопления культурного и социального капитала в контексте университетского периода жизнедеятельности (Соколов, Сафонова, Чернецкая, 2017), особенности социализации работающих студентов (Лызь, Истратова, Голубева, 2023).

Представляют интерес публикации, в рамках которых исследуются инновационные технологии развития надпрофессиональных компетенций студентов, включая проектную деятельность (Майорова-Щеглова, 2016), а также различные университетские институции и сообщества, способствующие развитию социальным изменениям в студенческой среде (Земцов, 2023).

Наконец, еще одно направление исследований – это интеграция студентов в городские и региональные процессы, как важный элемент социализации молодого человека. Подобные работы выстроены как в логике интеграции всего университета в окружающую социальную среду (Тургель, Бугров, Ойхер, 2023), так и контексте участия студентов в этих процессах (Певная, Шуклина, Черникова-Бука, 2022).

Несмотря на широкий спектр исследований в той или иной мере, затрагивающих университетский этап социализации молодого человека, на наш взгляд, сегодня не хватает работ, посвященных осмыслению университетской молодёжной политики как системной деятельности, целью которой является социальная интеграция молодого поколения в условиях геополитической напряженности. При этом наибольший интерес представляет анализ тех дефицитов и дисфункций политики, которые существенным образом снижают ее социализационный потенциал.

Цель настоящей статьи заключается в изучении дискурсивных моделей университетской молодёжной политики, анализ их структуры и выявление на основе него «разрывов» в логике проектирования, способствующих воспроизводству целого ряда дисфункций в сфере социального управления социализацией молодого поколения.

Статья основана на анализе программ развития университетов, являющихся участниками федерального проекта

«Приоритет 2030»¹ и имеющих единую структуру. В разделе 2 «Планы по достижению целевой модели» собраны описания разных университетских политик, включая молодёжную.

Выбор в качестве объекта исследования университетов – участников программы «Приоритет 2030» обусловлен следующими обстоятельствами.

Во-первых, на сегодняшний день это единственная федеральная программа, в рамках которой университеты представляют описания модели молодёжной политики, реализуемой в вузе. Это позволяет рассматривать их как репрезентацию когнитивных и проектных паттернов разработчиков, отражающих в том числе и позицию академического топ-менеджмента. Обязательность данного раздела в программе развития придает описаниям молодёжной политики статус официального программного документа, регламентирующего конкретное направление работы университета.

Во-вторых, особенность программы «Приоритет 2030» заключается в том, что ее участниками являются самые разные российские вузы. Они различаются по своей направленности (классические, технические, гуманитарные), по месту расположения (университеты столицы и мегаполисов, региональные вузы), а также с точки зрения ведомственной принадлежности (в программе принимают участие вузы 14 министерств и ведомств России)². Такое разнообразие позволяет рассматривать указанные вузы как репрезентативную выборку и экстраполировать полученные результаты на все университетское сообщество нашей страны. Информационную базу составили описания молодёжной политики 119 университетов, входящих в проект на момент написания статьи.

Для того, чтобы оценить эффективность университетской молодёжной политики, мы сфокусировали внимание на анализе формальной структуры описаний, представленных в программах развития. Опираясь на методологические положения деятельностного подхода (Леонтьев, 2001), а также общепринятую структуру любого проекта (Управление проектами..., 2023), мы оценивали наличие в дискурсивных моделях молодёжной политики ключевых элементов любой целенаправленной деятельности.

Нас интересовало, во всех ли программах в явном виде определяются такие параметры, как:

- цель и задачи политики, их обоснование;
- основные направления;
- механизмы реализации политики;
- результаты, которых планируется достичь;
- индикаторы результативности и критерии эффективности политики.

Отсутствие в описаниях указанных элементов ведет к превращению целенаправленной системной деятельности в набор действий и активностей, направленных на студенчество, но слабо связанных между собой единым замыслом и общей методологией. Другими словами, факт наличия или отсутствия в структуре описания выделенных параметров, позволяет отнести конкретную модель университетской молодёжной политики к синтагматическому, либо парадигматическому типу как на уровне дискурса, так и на уровне практической реализации.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Важным структурным элементом деятельности является ее цель, которая задает направленность, мотивацию, позволяет

¹ «Приоритет 2030». URL: <https://priority2030.ru/analytics/> (дата обращения: 10.03.2024).

² Анализ проекта «Приоритет 2030». URL: <https://priority2030.ru/analytics> (дата обращения: 10.03.2024).

оценить эффективность через соотнесение запланированного и реального результатов. Нас интересовал не только факт наличия целевой установки в программах университетов, но и ее обоснованность. В данном случае необходимо ответить на вопрос: имеются ли в тексте указания на то, чем обусловлен выбор конкретной цели молодёжной политики? Она может быть связана с национальными задачами, с корпоративными интересами вуза, с научным осмыслением процесса социализации молодого человека и пониманием важности конкретных трансформаций личности именно в академическом пространстве.

В явном виде цель молодёжной политики указывают 74 университета, что составляет 63,2%. При этом лишь 42 (35,9%) из них обозначают (напрямую или косвенно) что является источником цели. Чаще всего, в качестве содержательного обоснования выступают нормативно-правовые документы, регламентирующие реализацию государственной молодёжной и образовательной политики в стране и Указы Президента РФ. Эта группа занимает 23% в общем массиве университетских программ. 5,1% вузов ссылаются на региональную повестку, 2,6% на внутреннюю повестку и еще 1,7% на внутренние стандарты.

Декомпозицию цели до конкретных задач осуществляет 45 (32,5%) университетов, при этом 6% вузов, определяют перечень задач молодёжной политики, не ставя перед собой никакой общей, интегральной цели.

Таким образом, почти в 40% университетских программ отсутствует явное целеполагание в области реализации молодёжной политики, которая чаще предстает как набор слабо связанных между собой видов деятельности, мероприятий, акций и т.д. Там же где цели сформулированы, не всегда ясно чем обусловлен этот выбор, поскольку отсутствует указание на источник целевой установки. Такая ситуация приводит к

размыванию общего социализационного вектора государственной молодёжной политики, потере единых смыслов социального воспитания молодого поколения.

Кроме этого, доминирующее число программ не содержат декомпозиции цели до конкретных и измеримых задач. Это обстоятельство ведет к чрезмерной абстрактности молодёжной политики, отсутствию у разработчиков и тех, кто ее реализует, понимания конкретной последовательности шагов для достижения поставленной цели.

Доминирующее число моделей молодёжной политики представляют собой перечисление того, что делается в университете для студентов и \или вместе с ними. Эти действия маркируются разработчиками либо как «направления реализации молодёжной политики», реже как «мероприятия в области молодёжной политики». Практически все программы содержат этот компонент деятельности. 87,2% университетов явным образом фиксируют те направления (мероприятия), в рамках которых осуществляется работа с молодёжью. 15 университетов (12,8%) в своих описаниях не предприняли попытки выделить деятельностные блоки с точки зрения их направленности, ограничившись перечислением конкретных акций и событий, или же сведя всю молодёжную политику к единственному направлению (например, трудоустройству выпускников).

Отсутствие или слабая проработанность целевой модели, сведение ее к списку направлений работы, дополняется недостаточной концептуализацией механизмов, посредством которых должно происходить достижение поставленных целей. Чуть более половины вузов (54,7%) в своих описаниях выделили механизмы, посредством которых будут достигаться цели университетской молодёжной политики. При этом, 11,9% выделили механизмы реализации, не указав той цели, которую планируется достичь. Такая

ситуация может свидетельствовать о том, что в ряде российских университетов, несмотря на широкое проникновение проектной методологии в работу со студентами, некоторые разработчики программ в недостаточной мере понимают логику проектирования и развертывания любой деятельности, в контексте которой целевая модель тесным образом связана с перечнем институциональных, ресурсных, технологических механизмов, обуславливающих ее реализацию.

Наконец, проанализируем то, каким образом в программах развития определяется результативность молодежной политики. В текстах 97,4% программ явным образом указаны результаты, которые планируют достичь разработчики. Лишь три университета не сформулировали никаких результатов своей деятельности. При этом порядка 40% вузов указали не на результаты реализации молодежной политики, а на ожидаемые эффекты для страны, региона, университета, которые будут получены в итоге ее осуществления. Раздел «ожидаемые эффекты», по всей видимости, являлся обязательным в программе развития, что и нашло свое отражение при подготовке раздела «молодежная политика».

Независимо от того, говорят ли разработчики об ожидаемых результатах или эффектах в большинстве проанализированных моделей отсутствуют количественные критерии оценки результативности, позволяющие оценить эффективность деятельности. Лишь 29 вузов (24,8%) выделили таковые, чаще всего сводя индикаторы эффективности к количеству мероприятий, числу студентов, принимающих участие в них. Более 75% разработчиков программ указывают в качестве результатов существующие или запускаемые университетские процессы, либо слабо измеряемые эффекты молодежной политики.

В целом можно констатировать тот факт, что значительное число российских

университетов демонстрирует в описаниях моделей молодежной политики целый спектр проектных «разрывов», которые существенным образом снижают эффективность деятельности по социальному воспитанию молодежи. Отметим, что данная ситуация типична не только для проектирования молодежной политики. Некоторые российские отмечают низкий уровень проектной культуры, например, при реализации научной деятельности в рамках программы «5-100» (Железнов, 2023).

Формальный анализ структуры описаний университетской молодежной политики позволяет сделать выводы о том, что лишь незначительное число российских вузов рассматривает работу по социальному воспитанию студентов как системную и целенаправленную деятельность.

Отказ от формулирования целей реализации молодежной политики или же отсутствие привязки к национальным задачам и приоритетам – это практика, широко распространенная в университетской среде. Она не является повсеместной, но тот факт, что значительное число вузов ее воспроизводит, не вызывает сомнений. Отсутствие или же несфокусированность целевой установки на важных для страны задачах приводит к «распылению» усилий в области социальной интеграции молодых людей, формирует у них установку на «бездумное перемещение» из одной социальной активности в другую, потере смыслов реализации тех или иных социальных действий, снижению уровня рефлексивности.

Нельзя утверждать, что реализуемые университетами мероприятия в области молодежной политики, даже не имеющие четкой целевой установки, абсолютно бессмысленны. В процессе их осуществления происходит социализация молодых людей, развитие у них социальных компетенций, навыков

командной работы, основ гражданской и социальной активности.

Даже такая «социальная машина» как комсомол несмотря на жесткие идеологические рамки и целевые установки ретроспективно рассматривается отдельными исследователями в том числе и как институт формирования практических компетенций: «привитие еще в школе навыков управления ровесниками, составления и выполнения планов, подготовки отчетов и по форме, и по существу..., ответственного ведения коллективных дел...» [Ильинский, Луков, 2018: 45]. При этом не стоит забывать, что цели деятельности комсомольской организации, включая ее университетские ячейки, задавались государством, что фактически «сняло» ответственность за целеполагание с руководителей советских вузов. Сегодня ситуация иная. Социокультурный контекст геополитического противостояния требует не просто вовлечения молодых людей в социально-одобряемые виды деятельности, но формирование адекватных систем управления их социальной интеграцией, что невозможно без постановки целей и их декомпозиции до конкретных задач.

Представляет интерес одно из недавних исследований продвижения патриотической повестки в российских университетах. Несмотря на тот факт, что термин «патриотизм» встречается в 90% исследованных нами описаний (главным образом как направление работы), «вузы не входят в перечень площадок трансляции патриотической повестки...» и «большинство студенческой молодёжи выпадает из патриотической повестки по причине коммуникативной дисфункциональности вузов в работе с адресной аудиторией» (Парма, 2024: 64). Причина этого в отсутствии четких целей деятельности и синтагматический подход к проектированию университетской молодёжной политики.

Данный пример позволяет актуализировать и другую, не менее

важную дисфункцию проектирования. Как отмечает автор «повышение субъектности вузов в процессе патриотического воспитания укладывается в текущие тенденции государственной политики...» (Парма, 2024: 65), при этом университеты (как показывает наше исследование) чаще всего в явном виде не опираются на эти тенденции. Университетская молодёжная политика сегодня даже на дискурсивном уровне тяготеет к самоизоляции, слабой актуализации национальных задач социального воспитания молодого поколения. На факт оторванности молодёжной политики от реальных задач, стоящих перед обществом и государством, российские социологи указывали неоднократно (Балакирева, 2010).

Непроработанность целевых установок, слабая синхронизация с задачами государственного развития, отсутствие верифицируемых результатов приводит к схематизации университетской молодёжной политики. Проявление данного паттерна логичным образом вписывается в исследования особенностей транзита (перехода из детства во взрослость) современной молодежи. Все чаще западные и отечественные социологи высказывают мнение о том, что государственная система сопровождения молодёжного транзита является неэффективной (Furlong, Cartmel, 2006), базируется на стандартных и устаревших социальных технологиях (Нартова, Саблина и др., 2022), а зачастую переносит ответственность за результаты перехода на самого индивида (Berkel, Møller, 2002). Проведенное нами исследование позволяет не только подтвердить указанные выше дисфункции, но и выделить факторы, способствующие воспроизводству такой ситуации. Это, в свою очередь, является значимым вкладом в осмысление государственных механизмов социализации молодого поколения в условиях современности.

Первый фактор, это уже сформулированное выше, отсутствие

парадигматического подхода к описанию модели молодёжной политики, в основе которой лежат явно сформулированные цели, декомпозированные до конкретных задач, реализуемых посредством различного рода механизмов и имеющие измеряемые и верифицируемые результаты. Как мы могли видеть, лишь несколько университетов из числа участников программы «Приоритет 2030» демонстрируют такой системный подход.

Второй фактор – это слабая корреляция университетских моделей молодёжной политики с национальными целями и национальной повесткой. Недостаточное понимание разработчиками университетской молодёжной политики той позиции, которую занимает конкретная модель работы в национальной системе социализации молодого поколения, ведет к существенному снижению эффективности социального воспитания, потере ориентиров, дублированию различных социальных действий и технологий. Отсутствие единого фокуса социализации российской молодёжи в условиях эскалации геополитической напряженности, становится фактором национальной безопасности. Значительное число университетов либо совсем не ставят цель, либо формулируют ее в отрыве от первоочередных задач, решаемых сегодня российским обществом и государством. При этом в большинстве представленных текстов отсутствует связка «цель - результат», что не позволяет оценить качество и эффективность политики.

Третий фактор связан с унификацией университетской молодёжной политики. Это проявляется в том, что студенчество воспринимается как гомогенная социальная группа. Ни одна из проанализированных программ не содержит каких-либо типологий студенчества и описания подходов к работе с каждой из групп. Это, в свою очередь, не позволяет формировать разные траектории для отдельных популяций молодёжи, что ведет к снижению социализационного

потенциала университетского этапа в жизнедеятельности молодого человека.

Таким образом, выделенные факторы, снижающие эффективность университетской молодёжной политики, могут быть осмыслены и в более широком контексте, как причины высокой ригидности российской системы социализации российской молодёжи в целом. Полученные результаты позволяют переосмыслить методологические и технологические подходы к проектированию государственной и общественной молодёжной политики в нашей стране в условиях геополитической напряженности.

Заключение (Conclusions). Анализ моделей молодёжной политики, описываемых университетами-участниками программы «Приоритет 2030», позволил выявить целый ряд дисфункциональных черт, которые существенным образом снижают социализационный потенциал вузовского периода в жизни молодого человека и оказывают влияние на жизненный мир студента.

Наиболее значимыми из них являются: отсутствие во многих описаниях целей и задач деятельности, конкретных и измеримых результатов, синтагматический характер моделей, построенный на перечислении направлений, отдельных мероприятий. Кроме этого, большинство проанализированных программ имеют слабую соотнесённость университетской модели молодёжной политики с национальными целями и приоритетами.

Дисфункциональность университетской молодёжной политики оказывает существенное влияние на жизненный мир молодого человека. Университетский этап в жизни человека является важным фактором формирования ценностной модели, пространством личностного и профессионального самоопределения, что формирует контуры жизненной модели в целом. В этой связи, университетская молодёжная политика

становится не только инструментом социализации молодого человека, но и социально-психологическим механизмом формирования жизненного мира студента.

В ситуации возрастающей потребности в мобилизации человеческого капитала для решения социально-экономических, научных, технологических задач современной России необходимо переформатирование университетской молодёжной политики в направлении развития единых национальных аксиологических, методологических и технологических оснований ее реализации.

Список литературы

- Абуталипова Л. Н., Суляев Н. И. Современная молодёжная политика в вузе // Высшее образование в России. 2015. № 5. С. 86-90.
- Атанов И. В., Гунько Т. И., Юрченко С. Н. Воспитательная работа в аграрном вузе как условие обеспечения качества подготовки специалиста // Высшее образование в России. 2015. № 7. С. 113-118.
- Балакирева Е. А. Ноу-хау в молодёжной политике: необходимые преобразования или рискованный эксперимент? // The Journal of Social Policy Studies. 2010. 4 (4). С. 541-556.
- Башкиров С. П., Волкова О. А. Компетентный подход к организации воспитательной работы в вузе // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 142-147.
- Валеева Д. Р., Докука С. В., Юдкевич М. М. Разрыв дружеских связей при академическом неуспехе: социальные сети и передачи у студентов // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 8-24. DOI: 10.17323/1814954520171824.
- Ершов В. Н., Груздев В. В. Доверие как ключевой объект управления при ведении когнитивных войн // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2023. Т. 29, № 4. С. 28-36. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-4-28-36>
- Железнов А. М. Влияние участия университетов в Проекте 5-100 на успешность получения научных проектов. Мир России. 2023. Т. 32, № 2. С. 52-73. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-2-52-73.
- Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Риски образовательной неуспешности учащейся молодежи // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 2. С. 60-81. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7265.
- Земцов Д. И. Сообщества практик будущего в российских университетах: фаблэбы, ЦМИТы, кружки // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 5. С. 36-55. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-36-55
- Иконникова С. Н. Молодёжь: социологический и социально-психологический анализ. М.: Прогресс, 1998.
- Ильинский И. М., Луков В. А. Феномен комсомола и современные тенденции развития молодёжного движения в России // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 44-53.
- Леонтьев А. А. Что такое деятельностный подход в образовании? // Начальная школа: плюс-минус. 2001. № 1. С. 3-6.
- Лызь Н. А., Истратова О. Н., Голубева Е. В. Работающие студенты: образовательная успешность и субъективное благополучие? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 2. С. 80-96. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-2-80-96.
- Майорова-Щеглова С. Н. Неформальное образование студентов-социологов: новые формы // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 124-126.
- Малошонок Н. Г. Студенческая вовлеченность в учебный процесс: методология исследований и процедура измерения // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 141-147.
- Нартова Н. А., Саблина А. А., Кузинер Е. Н., Петрунина Д. С. Анализ дискурсивных режимов перехода во взрослость в нормативных документах молодёжной политики России // The Journal of Social Policy Studies. 2022. Т. 20, № 1. С. 7-22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-1-7-22>.
- Парма Р. В. Продвижение патриотической повестки в социальных медиа среди российской студенческой молодёжи // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 1. С. 44-67. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67
- Певная М. В., Шуклина Е. А., Черникова-Бука М. Участие студенчества в социокультурном развитии города: проблемы

социокультурной субъектности (на материалах международного исследования) // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 101-113.

Поплавская А. А. Будущая работа глазами студентов российских вузов: дифференциация образа работы в межрегиональной перспективе // Мир России. 2023. Т. 32, № 1. С. 61-86. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-61-86.

Резаев А. В., Ни М. Л. Скрытое студенческое недовольство в условиях академического капитализма: сравнительный анализ идеальных типов студентов гуманитарных и технических специальностей // Мир России. 2020. Т. 29, № 2. С. 49-71. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-49-71

Смирнов В. А. Молодёжная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 5. С. 9-20. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20

Соколов М. М., Сафонова М. А., Чернецкая Г. А. Культурный капитал, пространство вкусов и статусные границы среди российских студентов // Мир России. 2017. Т. 26, № 1. С. 152-179.

Тургель И. Д., Бугров К. Д., Ойхер А. Д. Университетские города России: ожидания vs реальность // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 5. С. 89-111.

Управление проектами: фундаментальный курс: учебник / А. В. Алешин, В. М. Аньшин, К. А. Багратиони и др.; под ред. В. М. Аньшина, О. Н. Ильиной; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023 (Учебники Высшей школы экономики).

Якобсон Р. Язык и бессознательное / Пер. с англ., фр., К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе. В. Шеворошкина; составл., вст. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. Ф. Успенский. М.: Гнозис, 1996.

Berkel van R., Hornemann Møller I. (eds.) *Active Social Policies in the EU: Inclusion Through Participation?* Bristol: Bristol University Press, Policy Press. 2002.

Furedi F. *Introduction to the Marketisation of Higher Education and the Student as Consumer* // *The Marketisation of Higher Education and the*

Student as Consumer (eds. Molesworth M., Scullion R., Nixon E.), 2011. London: Routledge. Pp. 1-7.

Furlong A., Cartmel F. *Young People and Social Change: New Perspectives*. Buckingham: Open University Press. 2006.

Tight M. *Students: Customers, Clients or Pawns?* // *Higher Education Policy*, 2013. № 26. Pp. 291-307.

References

Abutalipova, L. N., Sulyaev, N. I. (2015), "Modern youth policy at the university", *Higher Education in Russia*, (5), 86-90. (In Russian)

Atanov, I. V., Gunko, T. I., Yurchenko, S. N. (2015), "Educational work in an agricultural university as a condition for ensuring the quality of specialist training", *Higher Education in Russia*, (7), 113-118. (In Russian)

Balakireva, E. A. (2010), "Know-how in youth policy: necessary transformations or a risky experiment?", *The Journal of Social Policy Studies*, 4(4), 541-556. (In Russian)

Bashkurov, S. P., Volkova, O. A. (2016), "Competence-based approach to the organization of educational work at the university", *Higher Education in Russia*, (6), 142-147. (In Russian)

Berkel, van R., Hornemann, Møller I. (eds.) (2002), *Active Social Policies in the EU: Inclusion Through Participation?* Bristol University Press, Policy Press, Bristol.

Ershov, V. N., Gruzdev, V. V. (2023), "Trust as a key control object when waging cognitive wars", *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 29 (4), 28-36, DOI: 10.34216/2073-1426-2023-29-4-28-36 (In Russian)

Furedi, F. (2011), *Introduction to the Marketisation of Higher Education and the Student as Consumer*, *The Marketisation of Higher Education and the Student as Consumer* (eds. Molesworth M., Scullion R., Nixon E.), Routledge, London, 1-7.

Furlong, A., Cartmel, F. (2006), *Young People and Social Change: New Perspectives*, Open University Press, Buckingham.

Ikonnikova, S. N. (1998), *Molodezh: Sotsiologicheskyy i sotsialno-psikhologicheskyy analiz* [Youth: sociological and socio-psychological analysis], Progress, Moscow, Russia. (In Russian)

Ilyinsky, I. M., Lukov, V. A. (2018), "The phenomenon of the Komsomol and modern trends

in the development of the youth movement in Russia”, *Sociological Research*, (10), 44-53 (In Russian)

Leontiev, A. A. (2001), “What is the activity approach in education?”, *Elementary school: plus or minus*, (1), 3-6. (In Russian)

Lyz, N. A., Istratova, O. N., Golubeva, E.V. (2023), “Working students: educational success and subjective well-being?”, *Higher Education in Russia*, 32 (2), 80-96, DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-2-80-96 (In Russian)

Maloshonok, N. G. (2014), “Student involvement in the educational process: research methodology and measurement procedure”, *Sociological Research*, (3), 141-147. (In Russian)

Mayorova-Shcheglova, S. N. (2016), “Informal education of students of sociology: new forms”, *Sociological Research*, (4), 124-126. (In Russian)

Nartova, N. A., Sablina, A. A., Kuziner, E. N., Petrunina, D. S. (2022), “Analysis of discursive modes of transition to adulthood in normative documents of youth policy of Russia”, *The Journal of Social Policy Studies*, 20 (1), 7-22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-1-7-22>. (In Russian)

Parma, R. V. (2024), “Promoting the Patriotic Agenda on Social Media among Russian Students”, *Higher Education in Russia*, 33(1), 44-67, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67 (In Russian).

Pevnaya, M. V., Shuklina, E. A., Chernikova-Buka, M. (2022), “Student participation in the socio-cultural development of the city: problems of socio-cultural subjectivity”, *Sociological Research*, (5), 101-113. (In Russian)

Poplavskaya, A. A. (2023), “Future work through the eyes of students of Russian universities: differentiation of the way of work in an interregional perspective”, *Mir Rossii*, 32 (1), 61-86, DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-61-86. (In Russian)

Rezaev, A. V., Ni, M. L. (2020), “Hidden student discontent in the conditions of academic capitalism: a comparative analysis of ideal types of students of humanities and technical specialties”, *The World of Russia*, 29 (2), 49-71, DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-49-71. (In Russian)

Smirnov, V. A. (2023), “Civilian Attitudes of Russian Students in the Context of a Special

Military Operation”, *Higher Education in Russia*, 32(8), 9-23, DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-9-23. (In Russian).

Smirnov, V. A. (2023), “Youth Policy and Educational Activities in Russian Universities: Stages of Development and Key Contradictions”, *Higher Education in Russia*, 32(5), 9-20, DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20. (In Russian).

Sokolov, M. M., Safonova, M. A., Chernetskaya, G. A. (2017), “Cultural capital, the space of tastes and status boundaries among Russian students”, *Mir Rossii*, 26 (1), 152-179. (In Russian)

Tight, M. (2013), Students: Customers, Clients or Pawns?, *Higher Education Policy*, (26), 291-307.

Turgel, I. D., Bugrov, K. D., Oyker, A. D. (2023), “Russian University Cities: Expectations vs. Reality”, *Higher Education in Russia*, 32 (5), 89-111, DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-89-111. (In Russian)

Alyoshin, A. V., Anshin, V. M., Bagrationi, K. A., etc. (2023), *Upravlenie projektami: fundamentalny kurs* [Project management: a fundamental course] ed. Anshin, V. M., Ilyina, O. N., National Research. Higher School of Economics Univ, 2-nd ed., reprint. and additional, Publishing House of the Higher School of Economics (Textbooks of the Higher School of Economics), Moscow, Russia. (In Russian)

Valeeva, D. R., Dokuka, S. V., Yudkevich, M. M. (2017), “Breaking friendships with academic failure: social networks and retakes among students”, *Educational Studies*, (1), 8-24, DOI: 10.17323/1814954520171824. (In Russian)

Yakobson, R. (1996), *Yazyk i bessoznatelnoe* [Language and the unconscious], ed. Uspensky, F., Gnozis, Moscow, Russia. (In Russian).

Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A. (2020), “Risks of educational failure of students”, *Sociological Journal*, 26 (2), 60-81, DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7265. (In Russian)

Zemtsov, D. I. (2023), “Communities of Practice of the Future in Russian Universities: Fablabs, Centers for Youth Innovative Creativity, Circles”, *Higher Education in Russia*, 32 (5), 36-55, DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-36-55. (In Russian)

Zheleznov, A. M. (2023), "The impact of university participation in the 5-100 Project on the success of obtaining scientific projects", *The World of Russia*, 32 (2), 52-73, DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-2-52-73. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 08 августа 2024 г. Поступила после доработки 01 сентября 2024 г. Принята к печати 10 сентября 2024 г.

Received 08 August 2024. Revised 01 September 2024. Accepted 10 September 2024.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Смирнов Владимир Алексеевич, доктор социологических наук, доцент, кафедра современной социологии Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia